

Ив. Бунин

Русак

Непроглядная метель, стекла окон залеплены свежим белым снегом, в доме белый снежный свет; и все время однообразно шумит за стенами, однообразно, через известные промежутки, скрипит и стонет сук старого дерева в палисаднике, уже давно задевающий крышу. Лежу и читаю и, как всегда в метель, с особой отрадой чувствую стаяну, уют дома.

Вот в прихожую хлопнула дверь, слышно, как Петя, вернувшийся с охоты, топает валенками, отряхивается от снега, затем мягкими шагами идет через залу к себе. Я встаю и иду в прихожую. С полем или нет?

С полем.

На лавке в прихожей, растянувшись, выкинув передние лапки вперед, а задние назад, лежит старый, уже выбелившийся русак. И как всегда в таких случаях, я гляжу на него, трогаю и с изумлением, и восторгом.

Он лобастый, с большими и выпученными, глядящими назад стекловидными глазами, золотистыми внутри и ничуть еще не померкшими,—все

такими же бессмысленно блестящими, как и при жизни.

Но вся его тяжелая тушка уже каменно-тверда и холодна.

Закаменели, туго вытянуты лапки в жесткой шерстке, туго завернут серо-коричневый мохор хвостика. И на торчащих кошачьих усах, на раздвоенной верхней губе—запекшаяся кровь.

Чудо, дивное чудо!

Час тому назад, всего час тому назад, шевеля этими усами, прижав вот эти длинные уши и чутко, зорко кося за спину стеклом глаз, золотистых внутри, он лежал в мерзлой ямке под сугробом в поле, наполняя эту ямку своим жарким теплом, блаженствуя в буйном дыму вьюги, которая со всех сторон дула, заносила его снегом. Внезапно открытый и поднятый собакой, он дал от нее такого стрекача, головокружительную красоту которого не выразить никаким человеческим словом. И как жарко и дико колотилось его обезумевшее, оглушенное выстрелом сердце, когда порывисто оборвался его бег, а Петя крепко поймал его за уши, и каким пронзительным, младенческим воплем ответил он на то последнее, что вдруг ощутил он,—острый огонь кинжала, глубоко пронзивший ему горло!

Нет слов выразить то непонятное наслаждение, с которым я чувствую и эту гладкую шкурку, и закаменевшую тушку, и самого себя, и холодное окно прихожей, занесенное, залепленное свежим белым снегом, и весь этот вьюжный, бледный свет, разлитый в доме...